

Ироничный Бестселлер

Наталья Александрова

Собачья
радость

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Собачья радость

«Автор»

Александрова Н. Н.

Собачья радость / Н. Н. Александрова — «Автор»,
— (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и Леня Маркиз))

Красавица и умница Лола, ее преданный друг Леонид по прозвищу Маркиз и их чихуахуа Пу И, песик, наделенный совершенно человеческим умом, — лучшая команда частных детективов со времен Шерлока Холмса и доктора Ватсона! Но на этот раз Лоле и Маркизу придется нелегко... Ведь таинственная блондинка (которая на поверку оказалась брюнеткой) прямо изпод носа у Лолы похитила Пу И и теперь требует за его возвращение кругленькую сумму. Пса необходимо немедленно найти! Однако дело о розыске Пу И неожиданно превращается в расследование загадочной истории с убийством знаменитого режиссера, шантажом, мошенничеством и даже... явлением призрака! Книга также издавалась под названием "Приятных кошмаров".

© Александрова Н. Н.

© Автор

Наталья Александрова

Собачья радость

Ирма подбросила в пылающий камин большое смолистое полено и повернулась к мужу:

– Не волнуйся, я завтра же найду другую прислугу. Девчонка вела себя просто ужасно...

– Твоя вечная ревность... – Алексей поморщился, – ведь ты сама прекрасно знаешь, что для нее нет никаких оснований...

– Ревность тут ни при чем! – Ирма выпрямилась и посмотрела на мужа долгим внимательным взглядом.

На самом деле она, конечно, ревновала его. Ревновала и любила. И дело было вовсе не в том, что он известный и обеспеченный человек, крупный режиссер, что его имя не сходит со страниц газет, а лицо – с телевизионных экранов... Ее до сих пор, хотя они прожили вместе почти десять лет, волновали его насмешливые серые глаза, выразительные и глубокие, его чувственный рот, его сильные руки... Но не признаваться же мужу, что она приревновала его к лупоглазой вертихвостке, к молодой служанке, которая беззастенчиво строила глазки хозяину...

– Ревность тут ни при чем! – повторила Ирма. – Она совершенно ничего не умеет, а когда разбила чашку из моего любимого гарднеровского сервиза, я не выдержала...

– Ну и кто же теперь приготовит нам ужин? – недовольно протянул Алексей.

– Я сама приготовлю, – Ирма улыбнулась, – ты уже забыл, как я хорошо готовила раньше, когда у нас не было прислуги?

– Это было давно! – Алексей улыбнулся, и это был хороший признак.

– И вообще, – Ирма решила закрепить успех, – мне очень приятно провести вечер с тобой вдвоем... Только вдвоем!

Она подошла к мужу, он привлек ее к себе и потерся щекой о бедро, обтянутое бордовым шелком.

– Подожди, дорогой, – Ирма высвободилась, – я посмотрю, что бы такое приготовить...

– Только недолго. – Алексей откинулся на спинку кожаного кресла и взял в руки книгу.

Ирма открыла холодильник. Честно говоря, она давно отвыкла готовить, да ей это и раньше не слишком нравилось, но ради мужа она могла вынести многое...

Многое, но не все. Не чистить же сейчас овощи! И рыба, она так пахнет...

Ирма, отложив в сторону вакуумную упаковку форели, остановила свой выбор на готовых отбивных, которые достаточно было положить в микроволновку и разогреть. Она вскрыла упаковку острым, лазерной заточки ножом, выложила отбивные на тарелки и поставила в печь.

Решив, что совершила как хозяйка очень большое усилие, граничащее с подвигом, она поставила таймер на десять минут и пошла в кладовку выбрать бутылку вина к ужину.

В их доме не было настоящего винного погреба; они держали вино в кладовой, расположенной рядом с кухней, поддерживая там оптимальную для вина температуру и влажность.

Ирма выбрала бутылку «Шато ле Берне Медок» восемьдесят седьмого года и направилась в гостиную.

– Отбивные будут готовы через десять минут! – сообщила она с порога.

Алексей ничего ей не ответил.

В первую секунду она не почувствовала никакого беспокойства. Она неторопливо шла по ковру, держа в руке прохладную, чуть запыленную бутылку, и предвкушала тихий семейный вечер, привычные, но не надоевшие ласки...

И вдруг она увидела книгу на ковре.

Алексей сидел в кресле спиной к дверям, Ирма еще не видела мужа, скрытого от нее спинкой кресла, но книга, которую он только что держал в руке, валялась на полу.

Может быть, он задремал и уронил ее?

Может быть, но сердце Ирмы бешено забилося от страшного предчувствия.

Она бросилась к мужу, обогнула массивное кожаное кресло...

И крик ужаса вырвался из ее горла.

Алексей лежал в кресле, безвольно откинувшись, и смотрел в потолок широко открытыми мертвыми глазами. А его горло было от уха до уха располосовано длинной, аккуратной, как хирургический разрез, раной. Эта рана была похожа на второй рот, разинутый в припадке страшного, чудовищного смеха.

Одежда Алексея была залита кровью, и лужа крови натекла на пушистый ковер возле его ног. И тут же, на ковре, лежало орудие убийства – острый немецкий нож, тот самый, которым Ирма только что вскрыла упаковку с отбивными.

Нож с отпечатками ее пальцев.

Ирма продолжала истошно кричать. Она уронила бутылку, и темно-рубиновое вино смешалось на ковре с алой кровью Алексея.

Ирма кинулась к дверям, выбежала из коттеджа, не обращая внимания на апрельский холод, на подтаявший снег под ногами, бросилась к воротам, вылетела в калитку, добежала до соседнего дома и принялась колотить в дубовую дверь, заходясь криком:

– Помогите! Помогите! Алексея убили!

Федор Михайлович любил выражаться штампами, конечно. Он называл их не штампами, а мудрыми мыслями, золотыми словами. Зачем выдумывать лишнее, считал он, если все уже придумано до нас? Раз уж слово или фраза, метко сказанная неважно кем: знаменитым писателем или видным политическим деятелем, выдающимся спортсменом, либо же простым мужиком у пивного ларька, который по сути тоже носитель великого и могучего русского языка, – раз уж такая удачная фраза пошла гулять по огромной стране, опять-таки расхоже говоря – получила путевку в жизнь, – стало быть, эта фраза достойна того, чтобы ее часто употребляли. Простого человека не обманешь, шила в мешке не утаишь, народ – он правду видит...

Настольной книгой Федора Михайловича были изданные в одна тысяча девятьсот пятьдесят девятом году «Крылатые слова и выражения». Федор Михайлович часто перечитывал эту замечательную книгу, сетуя изредка, что она несколько устарела, и дописывал на последней странице своим убористым почерком понравившиеся ему выражения, которые узнавал из газет, – ведь всем хорошо известно, что никто так не любит выражаться расхожими фразами, как газетчики. А газет Федор Михайлович читал очень много, потому что он ими торговал. Как известно – чем торгуешь, то и имеешь. Всему лучшему в себе я обязан печатному слову.

Лоток Федора Михайловича стоял на довольно бойком месте – возле крупного продовольственного магазина, и, постоянно видя перед собой броские заголовки газет так называемой бульварной прессы, Федор Михайлович и мыслить стал соответствующим образом.

Было позднее весеннее утро, самая середина ласкового мая. Город жизнерадостно сверкал чисто вымытыми стеклами окон – даже самые ленивые хозяйки уже успели проделать обязательную майскую процедуру. Деревья весело зеленели мелкими, не успевшими запылиться и поскукнеть молоденькими листочками. Громко чирикали общительные воробьи. Женщины радовали глаз яркими весенними нарядами.

Федор Михайлович подставлял лицо ласковому приветливому солнышку и с удовольствием рассматривал неторопливых прохожих. Народу на улице было совсем немного – служивый люд давно уже схлынул, студенты и школьники – тоже. Понятное дело, ученье – свет, а знание – сила. Заходили в магазин озабоченные домохозяйки, занятые решением продовольственной программы в рамках отдельно взятой семьи, молодые мамы с детьми шли мимо газетного лотка к ближайшему скверу (дети – наше будущее, цветы жизни), старухи с сосредоточенным видом останавливались у прилавка.

Старух Федор Михайлович не любил – они долго, капризно перебирали все газеты, лишая их при этом товарного вида, громогласно критиковали неприличные заголовки, но чрезвычайно редко что-нибудь покупали. На молодых мамаш смотреть было бы, конечно, намного приятней, если бы не их визжащие и орущие малолетние отпрыски.

Но в целом, настроение в это славное утро у Федора Михайловича было отличное.

«Утро красит нежным цветом...» – всплыло в голове, и Федор Михайлович поразился, до чего же верны эти строчки. Действительно, в это весеннее утро все цвета казались удивительно нежными, воздушными. Все виделось в легкой полупрозрачной дымке.

Федор Михайлович блаженно прикрыл глаза, но тут же открыл их, потому что в голове у него неизвестно откуда появилась неожиданная мысль:

«На аллеях центрального парка дивным цветом цветет резеда...»

Федор Михайлович удивился, к чему тут резеда. Он оглянулся вокруг и сообразил, что о резеде напомнил нежный аромат духов вот той интересной особы в зеленом – под цвет ранней весенней зелени – брючном костюме.

Федор Михайлович, несмотря на возраст, был человеком наблюдательным и научился разбираться в женских нарядах. Он втянул носом воздух. Аромат был восхитительным – пряным и нежным одновременно. Федор Михайлович не был уверен, что это действительно аромат резеды, даже наоборот, он почти не сомневался, что это не резеда. Откровенно говоря, Федор Михайлович понятия не имел, как она пахнет и выглядит.

«Ваши пальцы пахнут ладаном» – всплыло в мозгу.

Нет, опять не то. Федор Михайлович вытянул шею, наблюдая за прелестной незнакомкой. Она была молода и хороша собою, не нужно было долго рассматривать, чтобы это понять. Костюмчик обтягивал стройную фигуру. Походка у нее была легкой, летящей, несмотря на высокие каблуки.

Темные волосы восхитительно блестели. Рядом с девушкой семенил на поводке крошечный лохматенький песик неизвестной Федору Михайловичу породы. Ошейник на песике был тоже зеленый – под цвет девушкиного костюма.

«Дама с собачкой», – определил Федор Михайлович.

И еще в голову пришла привычная чужая мысль: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и костюм, и собачка».

Хотя про собачку в первоисточнике, кажется, не было.

В это время песик увидел под водосточной трубой что-то очень для себя интересное – не то обглоданную другой собакой старую кость, не то брошенную за ненадобностью рваную рабочую рукавицу. Он глухо рыкнул, совсем как настоящая собака, и бросился к находке так резво, что дама едва устояла на ногах.

– Пуишечка, детка, – мелодичным голосом сказала она, ничуть не рассердившись, – не нужно хватать эту гадость. Ты запачкаешься. Мы же идем в кафе...

Песик не внял голосу разума, тогда дама твердой рукой оттащила его от вожаемой добычи. Они подошли к переходу, хозяйка подхватила своего песика под мышку, и вскоре парочка скрылась за дверью кафе, что располагалось почти напротив постоянного места дислокации Федора Михайловича. Улица была широкая, да еще окна кафе были закрыты яркими шторами, так что Федор Михайлович с сожалением отвел глаза – все равно на таком расстоянии не разглядеть так понравившуюся было ему таинственную незнакомку.

«Она ушла, исчезло вдохновение...» – подумал Федор Михайлович не совсем кстати.

Держа песика под мышкой Лола вошла в кафе и подошла к стойке. Народу было совсем немного – позднее утро, те, кто хотел позавтракать, уже благополучно осуществили свое намерение, время же ланча еще не настало. Впрочем, здесь подавали только легкие салаты, десерты, разнообразные пирожные и кофе, так что нашествия народа в скором времени не ожидалось.

– Нам фруктовый салат... – тянула Лола, – кофе по-венски... только сливок, пожалуйста, побольше... стакан минеральной воды... у вас есть миндальные пирожные?

Девушка за стойкой ткнула пальцем в витрину. Лола придирчиво изучила ассортимент.

– Дорогой! – обратилась она к Пу И с наигранным возмущением. – У них нет того, что тебе нравится! Миндальные трубочки слишком сладкие, ты испортишь себе зубки, бисквит ты не любишь... У вас очень скудный выбор пирожных! – возмущенно обратилась Лола к девушке.

Та ничего не ответила, но во взгляде, которым она исподлбья окинула Лолу, не было сердечности.

– Может быть, пойдем в другое кафе? – задумчиво спросила Лола у песика.

Тот ответил возмущенным лаем, что хочет остаться.

– Ну хорошо, – смягчилась Лола и обратилась к девушке: – Дайте нам, пожалуйста, два пирожных, вот тех маленьких, с миндальной стружкой. Дорогой, дай слово, что ты не станешь просить сбитых сливок, у тебя от них расстраивается животик...

Пу И дипломатично отвернулся, чтобы не давать опрометчиво честного слова, девица же за стойкой поглядела на Лолу с откровенной ненавистью. Лола предпочла не отвечать на такой вызывающий взгляд, перехватила поудобнее Пу И и отправилась в дальний угол – следовало считаться с посетителями, вдруг кто-нибудь проявит недовольство таким соседством.

Принесли заказ. Лола с возмущением отказалась от пакетика сахара, предложенного официанткой. Она пила кофе со сливками, но всегда исключительно без сахара.

Пу И решительно потребовал пирожных. Лола пыталась скормить ему пирожное так, чтобы песику не достались сбитые сливки. Сливки Пу И тоже очень любил, но Лоле совершенно не улыбалось возиться весь вечер с больной собакой, поэтому она старалась проявить твердость. Пу И настаивал, Лола не уступала. В конце концов им сделали замечание и попросили вести себя потише.

– Ужасная собака! – со слезами в голосе воскликнула Лола, как если бы говорилось: «Ужасный ребенок!».

Это еще больше подстегнуло Пу И, он и не думал успокаиваться. Напротив, он изловчился и очень удачно опрокинул на Лолу вазочку с фруктовым салатом. Лола рассвирепела: этот костюм она надевала всего третий раз. А самое главное – как теперь добираться до дома? Лола сердито обмотала поводок вокруг ножки столика, велела Пу И сидеть смирно и скрылась в туалете.

Когда же она вернулась – очень быстро, потому что прекрасно знала нрав своей собаки, поэтому только наскоро замыла пятна и промокнула их бумажной салфеткой, – когда же она вернулась, то выяснилось, что предчувствия ее не обманули.

Поводок был все так же завязан на ножке столика, но на другом его конце Лолу ждал только одинокий крошечный ошейничек зеленого цвета – под цвет ее безнадежно испорченного брючного костюма.

Лола покачнулась, чувствуя, что у нее темнеет в глазах. Все ее страшные сны оказывались явью: Пу И пропал.

Она попробовала успокоиться и заглянула под стол. Там никого не было. Она обежала все кафе, взывая жалобно: «Пу И, детка, где ты? Иди к мамочке!»

Все было напрасно. Посетители кафе только пожимали плечами – кто-то пришел совсем недавно, кто-то ничего не заметил. Та сердитая дама, что делала замечание по поводу шума, уже ушла. Лола подбежала к стойке и плачущим голосом спросила у девушки, не видела ли она ее собачки.

Но тут из двери в подсобное помещение появилась здоровенная тетка и рявкнула на девицу:

– Ты пускаешь в кафе собак? Совсем сдурела?

– Не было никаких собак, – твердо ответила девица и поглядела на Лолу злорадно – ей представился удобный случай отомстить, – я никого не видела.

Лола выскочила на улицу, громко звала Пу И, обращалась к случайным прохожим. Те только недоуменно пожимали плечами – никто из них не видел маленькой собачки.

Федор Михайлович со своего места заметил странное движение на другой стороне улицы. Та самая холеная, пахнувшая дорогими духами красивая дама с собачкой бегала возле кафе, что-то взволнованно кричала и приставала к прохожим с вопросами. Вид у нее теперь был далеко не столь благополучный: волосы растрепались, на элегантном брючном костюме расплывалось подозрительное темное пятно, пару раз подвернулся каблук и голос стал вовсе не так мелодичен. Песика при ней не было.

«Пропала собака», – безошибочно определил Федор Михайлович поведение дамы строчкой из популярной когда-то детской песни. И еще он подумал: «У семи нянек дитя без глазу». Хотя при чем тут семь нянек – он и сам не понял.

Дама снова забежала в кафе, потом вышла оттуда, прижимая к груди поводок и зеленый ошейничек. На щеках ее Федор Михайлович со своей возрастной дальноркостью заметил слезы, которые она утирала зеленоватым кружевным платочком.

«Богатые тоже плачут», – вздохнул он и отвернулся.

Лола осознала, что стоит на улице и заливается самыми настоящими слезами. Встречные смотрели на прилично и дорого одетую молодую женщину и мысленно пожимали плечами. Помощь никто не предлагал. Лола поглядела на трогательный зеленый ошейник и усилием воли взяла себя в руки. Следовало действовать. И как всегда в трудную минуту, она вспомнила о единственном своем близком человеке – Лене Маркове по прозвищу Маркиз.

Они были знакомы уже почти два года. Ленья-Маркиз был мошенником экстра-класса. Это значит, что он зарабатывал деньги, и немалые, интеллектуально облегчая кошельки богатых людей. С бедными Ленья не связывался из моральных соображений. Он и богатых-то никогда не обирал до нитки, исключая один случай. Тогда противником Лени был очень богатый, влиятельный и опасный человек Артем Зарудный, и Ленья лишил его всего, что у того было, потому что хотел отомстить за своего старого друга и учителя, которого Зарудный, не брезговавший ничем ради достижения своей цели, довел до смерти.

Лола никогда не видела Маркиза таким расстроенным, как тогда, а ведь к тому времени они были уже знакомы достаточно долго и сумели провернуть вместе несколько очень прибыльных операций, в процессе которых поняли, что нужны друг другу не только как партнеры, но и как верные друзья. Маркиз много раз спасал Лолу от смерти, она же всегда помогала ему, подчиняясь беспрекословно. И хоть Лола была капризна, своенравна и все время играла какую-нибудь роль, она знала, что у нее нет никого ближе Маркиза. Кроме, разумеется, Пу И – крошечного песика редкой мексиканской породы чихуахуа, в которого, за неимением детей, Лола вложила все любовь и нежность, на которые была способна.

Их с Маркизом связывала работа и совместная жизнь. Но не постель, потому что Ленья строго разграничивал работу и удовольствия. Кроме них двоих в большой четырехкомнатной квартире, которую Ленья купил совсем недавно, жили еще питомцы – Пу И и кот Аскольд, которого Ленья нашел на лестнице вскоре после того, как Лола временно бросила его, влюбившись в банкира Ангелова и переехав к нему жить вместе с Пу И. Кот тогда переживал трудные времена, Маркиз тоже, так что он пригласил интеллигентного кота пожить у него и назвал его в честь своего погибшего друга Аскольдом. Кстати, кот всеми повадками настолько напоминал ему настоящего Аскольда, что Ленья всерьез подумывал о переселении душ. Но такие мысли держал при себе.

Был еще третий питомец – большой разноцветный говорящий попугай Перришон. Он просто влетел в форточку зимним морозным днем, и у обитателей квартиры не хватило духу выгнать его снова на мороз. Хотя и следовало, как говаривал Маркиз, рассердившись, ибо

попугай оказался едва ли не большим хулиганом, чем Пу И, а от крошечного песика в свое время пострадал целый собачий пансионат в благополучной Германии, со всеми четвероногими обитателями и обслуживающим персоналом. Внешность бывает порой весьма обманчива.

И вот теперь ее бесценное сокровище пропало.

Лола застонала и стремглав бросилась бежать к дому. Он находился неподалеку; они с Пу И вышли пройтись и решили зайти в кафе. Ох, не в добрый час!

На бегу Лола пыталась успокоиться и уверить себя, что Леня непременно поможет ей. Хотя чем, интересно, он может помочь? Перед глазами стояли страшные картины: как злодеи с огромными острыми ножами мучают ее ненаглядного песика или как голодный Пу И ищет себе пропитание среди бездомных собак на помойке. Короче, к тому времени, как Маркиз отворил дверь на ее дикие звонки, Лола пришла в состояние невменяемости.

– Тебя что изнасиловали в подъезде? – холодно осведомился он, оглядев Лолин запачканный костюм и растрепанные волосы. – Вроде бы у нас кодовый замок и охрана...

Лола запыхалась и не нашла слов, чтобы достойно ответить.

– И где Пу И? – поинтересовался Леня.

Лола трагическим жестом протянула ему поводок и без сил плюхнулась в гостиной на диван.

– Леня! – Она залилась слезами. – Ленечка! Пу И пропал!

– Как это пропал? – нахмурился Маркиз. – Что значит – пропал?

– То и значит! – Лола мгновенно разозлилась на его непонятливость. – Мы были в кафе...

Дальше, понукаемая расспросами, она, трясаясь и всхлипывая, рассказала Лене в подробностях все, что произошло.

Как всякий мужчина в экстремальной ситуации, Леня немедленно пришел в ярость. И как все мужчины, он обратил эту ярость на самого близкого человека. Тут очень подошла бы жена, но жены у Лени не было, зато была Лола.

– Ты! – заорал он, нависнув над Лолой, как туча над Борском в старой советской пьесе. – Какого черта тебя понесло в туалет? Почему ты оставила его одного?

– Он запачкал меня салатом, – заплакала Лола, – этот костюм совсем новый...

– А какого черта тебя вообще понесло в это кафе? – гремел Леня. – Зачем ты потащила туда собаку?

– Он так просил...

– Ах вот как? – Леня неожиданно успокоился и заговорил просто с сарказмом. – Тогда я знаю, что случилось! Вы с твоим ненаглядным песиком так выпендривались в этом треклятом кафе, что окружающие не выдержали! Пуишечка, детка, – очень умело передразнил он Лолин голос, – не ешь сбитые сливки, у тебя заболит животик!.. Ну было такое?

– Было, – Лола каясь наклонила голову.

– Слушай, ну почему тебя вечно тянет играть? – горестно спросил Леня. – Ведь не в театре же!

– Потому что я – актриса! – Лола вскочила и подбоченилась, с вызовом глядя на Маркиза. – Ты не забыл, что ради тебя я бросила сцену?

– Чего-чего? – Он рассмеялся, если бы не пропажа Пу И. – Послушай, сейчас не время ссориться. Ну кого ты играла сегодня в кафе? Даму с собачкой?

И поскольку Лола молчала, Леня продолжил:

– Зачем тогда выпендривалась? Вроде бы у Чехова эта дама такая приличная, скромная.

– Ага, скромная! – тут же фыркнула Лола. – Уехала на юг и изменила там мужу! Тоже мне, скромница!

– Мы будем классику трактовать или собаку искать? – всерьез разозлился Леня.

– Ленечка, если мы его не найдем, я умру! – тут же взвыла Лола.

– Не реветь! – рявкнул Маркиз. – Лучше скажи, отчего ты сразу же по горячим следам не расспросила всех в кафе как следует? Официантки все всегда видят, и эта девка за стойкой?

– Она меня облаяла... и отказалась отвечать.

– А деньги ей предложить ты не догадалась? – вздохнул Ленья. – Такая мысль тебе не приходила в голову?

– Я растерялась... Что же теперь делать?

– Что делать? – ворчал Маркиз. – Теперь, когда все уже ушли, идем туда вместе.

– Сейчас, только переоденусь.

– Не смей! – прикрикнул Маркиз. – Тебя в этом костюме запомнили, может, кто и узнает...

– Что же, так и ходить с пятном? – слабо возражала Лола.

– Надо будет – голой пойдешь! – свирепо заявил Маркиз, и Лола поняла, что спорить с ним бесполезно.

В кафе по-прежнему было мало посетителей. Лола хотела было подойти к стойке, но Ленья велел ей сесть за тот же самый угловой столик, где совсем недавно они с Пу И ели пирожные, и сидеть там по возможности тихо. Сам он надел на лицо самую свою обаятельную улыбку и принялся охмурять барменшу. Однако проговорив минут десять, Маркиз убедился, что помогать ему девица не собирается. То ли Лола успела в свое время очень ее разозлить, то ли ей попало от хозяйки, то ли на нее почему-то не действовало Ленино мужское обаяние, но девушка отвечала односложно и ничего полезного не сказала.

Да, она помнит эту даму в зеленом костюме, и собачку тоже помнит. Дама кормила песика пирожными, хотя на ее взгляд, собаке это вредно.

Но клиент всегда прав, поэтому она ничего не сказала привередливой посетительнице, хотя с собаками вообще-то в кафе вход запрещен. Но песик был такой крошечный, меньше кошки, посетителей мало, поэтому она решила нарушить инструкцию, за что и получила потом нагоняй от хозяйки. Куда же делась собачка, она понятия не имеет, хозяева сами должны следить за своими питомцами в общественном месте.

Тут девица бросила неодобрительный взгляд в сторону Лолы, и Ленья понял, что больше он от нее ничего не добьется. Он вернулся за столик с двумя чашками кофе.

– Зачем ты взял кофе? – вскинулась Лола. – Да мне кусок в горло не полезет в этом заведении.

– Утомонись, – посоветовал Маркиз, – посиди спокойно и дай мне подумать!

– Пока ты будешь думать, Пу И, может быть, уже убьют! – всхлипнула Лола и сама зажала себе рот рукой.

– И для чего его убьют? – поинтересовался Маркиз, отхлебывая кофе. – Чтобы сделать из него шапку? Ты извини меня, Лола, но твоего песика на шапку не хватит. Разве что для куклы Барби.

– Как ты можешь так спокойно об этом говорить? Почему ты не веришь, что Пу И похитили?

Маркиз молча показал ей маленький зеленый ошейник, который прихватил с собой.

– Ты снова застегнула ошейник на самую свободную кнопочку! Ведь договорились же, что ты не будешь этого делать! Он вылезает из ошейника очень легко!

– Но Пу И дал понять, что ему туго! – слабо защищалась Лола.

– Этот паршивец готов соврать все что угодно! Ведь ты его хорошо знаешь! Ты его, конечно, пожалела, а он дождался, когда ты на минутку ушла в туалет, и выскочил!

– Хорошо, – неожиданно спокойно ответила Лола, – допустим, он выскочил. Но куда он делся? Ну побегал бы по кафе, натворил что-нибудь... Но он не стал бы убежать!

Действительно, Пу И, конечно, не прочь был похулиганить, но либо в собственной квартире, либо в присутствии хозяев. Маркиз прекрасно знал, что вообще-то Пу И был не очень смелым и убежать куда глаза глядят ни за что бы не стал.

– Возможно, ты права, дорогая, – медленно сказал он, – но ведь и похитить себя так просто наш Пу И ни за что бы не позволил. Обязательно устроил бы скандал!

Лола снова заплакала. Слезы капали в чашку с остывающим кофе. Леня рассеянно оглядывался по сторонам. В кафе было чисто, уютно и тихо. Дизайн был ненавязчивым и радовал глаз. В нише рядом с их столиком стоял неизвестный Маркизу комнатный цветок. Мясистые ярко-зеленые листья блестели в свете лампы – окна кафе были закрыты шторами, чтобы не проникал солнечный свет, таким образом создавалась интимная обстановка. Поверх земли в цветочном горшке лежали красивые камушки. И между этими камушками Леня кое-что заметил.

– Кажется, это для нас. – Он протянул руку и вытащил клочок бумаги, свернутый в трубочку.

Лола выхватила бумажку у него из рук и взволнованно прочитала неровные каракули, нацарапанные шариковой ручкой печатными буквами:

«Если ты хочешь увидеть своего пса живым и здоровым, то немедленно приготовь пять тысяч долларов. Дальнейшие инструкции получишь у входа в это кафе в три часа дня».

– Боже мой! – Лола страшно побледнела и прижала руку к сердцу. – Что я тебе говорила? Его похитили! И теперь требуют за него выкуп! Ленечка, я на все согласна, только бы Пу И вернули живым и невредимым! А вдруг они будут его пытаться?

– Почему ты сразу не заметила эту записку? – не слушая бесконечных Лолиных причин, грозно спросил Леня. – Сколько я тебя учил, а все без толку!

– Ленечка, у нас же есть деньги! – умоляюще прошептала Лола.

– Деньги – не главное, – согласился Леня, – но все же как-то это все странно.

Он снова приступил с вопросами к девице за стойкой, но та держалась твердо – она ничего не знает и никого не видела. Лола совсем расклеилась. Маркиз взял ее за руку и вывел на воздух.

– Не надо так волноваться, – мягко увещевал он, – до трех часов Пу И будет в безопасности.

Он оглянулся по сторонам и заметил на другой стороне улицы газетный лоток. Рядом на складном стульчике сидел ладненький дедушка в белом полотняном френчике и коричневой шляпе. Френчик был поношенный, но чистый, шляпа тоже, и в этакое прикиде дедуля здорово напоминал грибборовик. Маркиз оживился и потащил Лолу через дорогу к газетному лотку.

– Скажите, дедушка... – обратилась Лола к боровику, но тот немедленно парировал:

– Тоже мне, внучка нашлась!

Леня отставил свою расстроенную подругу и сам выдвинулся на передовую.

– Уважаемый, вы ведь тут все время... работаете?

– Делу время, потехе час! – солидно отозвался газетчик.

– Да-да, конечно. И вы, мне кажется, человек очень внимательный...

– Внимание к людям – непреложный закон нашей жизни, – немедленно ответил старичок.

Маркиз удивленно посмотрел на него и после небольшой паузы продолжил.

– Может быть, вы запомнили, вот эта дама, – Леня кивнул на Лолу, – пришла сегодня утром в то кафе, прямо напротив вашего лотка, с маленькой собачкой...

– Собака – друг человека, – не удержался газетчик и добавил: – Никто не забыт и ничто не забыто.

Маркиз снова с любопытством взглянул на него, оценив его необычную манеру выражаться, и задал следующий вопрос:

– А потом... вы больше не видели эту собачку? Дело в том, что она пропала, и дама очень расстроена...

– Чужого горя не бывает! – высокопарно провозгласил старичок.

– Вот именно! – не стал спорить Маркиз. – Так вам собачка больше не попала на глаза?

– Глаза – зеркало души! – уверенно ответил газетчик.

– Неча на зеркало пенять! – вернул подачу Маркиз.

Такая манера выражаться начала его раздражать.

– Так видели вы собачку или нет?

– Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу! – произнес старичок обиженным голосом.

– Ну что вы, право, такой обидчивый! Сами же сказали – чужого горя не бывает!

– Не бывает, – уверенно подтвердил престарелый работник прилавка, – забота о людях – закон нашей жизни!

«Повторяться начал, – подумал Маркиз, – есть надежда, что скоро выдохнется». Вслух же он сказал:

– Все-таки насчет собачки – видели вы ее или нет?

– Ищите женщину! – внезапно выпалил старичок.

– Женщину? Какую женщину? – насторожился Ленья.

– Ах, эти черные глаза... – нараспев проговорил газетчик и добавил для верности: – Очи черные, очи страстные...

– Какой ты, Ленья, непонятливый, – вступила в разговор Лола, – дедушка же ясно тебе сказал, что здесь вертелась какая-то подозрительная брюнетка. Впрочем, брюнетки все подозрительные...

– Сама ты – бабушка русской революции! – газетчик снова обиделся на «дедушку».

Ленья снова отодвинул Лолу на безопасное расстояние и умоляюще взглянул на старичка.

– Значит, женщина, брюнетка... И что же такое подозрительное она делала?

– Черного кобеля не отмоешь добела!

– Собака! – догадался Ленья. – С ней была черная собака!

– Привязать к позорному столбу! – пробубнил газетчик.

– Ага, значит, она привязала собаку перед входом в кафе, – догадался Маркиз, который начал уже довольно неплохо понимать специфическую речь своего собеседника. – А что было потом?

– Перед нами широко открыты все двери!

– Ага, значит, она вошла в кафе! А вышла она оттуда одна или с маленькой собачкой?

– Тайное всегда становится явным! – сурово и решительно провозгласил старичок.

– Значит, она незаметно вынесла Пу И...

– Где она, где эта мерзавка, где эта террористка? – Лола с криком выскочила из-за Лениной спины. – Я выцарапаю ей глаза! Я выдеру ей все ее черные космы!

– Для начала неплохо бы ее найти, – остудил ее Маркиз и снова обратился к газетчику:

– Значит, брюнетка с собакой. А еще какие-нибудь приметы вы не запомнили?

– Красная гвоздика, спутница тревог! – торжественно продекламировал старик.

– То есть? – растерялся Ленья.

– Одета она была в красное, – подсказала сзади Лола, – что для брюнетки вполне естественно.

– А собака-то, собака какой породы? Черная – это мы поняли, а порода, порода какая? Черными бывают кокер-спаниели, ротвейлеры, доберманы, ризеншнауцеры, московские сторожевые...

– Пудель, – отрезал старичок, не найдя подходящей к случаю цитаты, – большой королевский пудель. С красным ошейником.

Лола с Маркизом, поняв, что больше из старика ничего не выкачаешь, побрели домой – до трех часов, когда им обещали дать указания, оставалось еще много времени.

– Эта брюнетка с черным пуделем может быть совершенно ни при чем, – бормотал Леня, – просто больше не за что уцепиться. И не могла она при всем честном народе выпутывать Пу И из ошейника. Она бы тогда поводок отвязала, это куда быстрее. Что-то все же мне подсказывает, что Пу И сам освободился от ошейника.

– Его приманили! – осенило Лолу.

– Чем? – недоверчиво прищурился Леня. – Неужели ореховым печеньем? Не может быть, Пу И не настолько оголодал!

– Не чем, а кем! – заявила Лола. – Пуделем! То есть это была пуделица! Старикан наверняка не определил пол собаки, все же он для этого далековато сидит!

– Ты так думаешь? – Леня даже остановился.

– Что тут думать? – Лола махнула рукой. – Тут и думать нечего! Ты что, не знаешь, как Пу И к ним неравнодушен?

Это верно. Песик, несмотря на крошечные размеры, был весьма любвеобилен. И больше всего ему нравились именно пудели.

– Ты что, не помнишь, как зимой он завел роман с карликовым пуделем Дези и помог нам распутать то дело, с монетой? – наступала Лола.

Верно, в результате запутанной интриги старушка, хозяйка Дези, получила наследство и уехала путешествовать по Европе. Прощание собачек было таким трогательным, что Лола до сих пор не может вспоминать об этом без слез умиления. И до сих пор Дези присылает Пу И фотографии из городов Европы – она на фоне Эйфелевой башни, на фоне Канале Гранде, на фоне Биг-Бена...

– Все это так, но там был карликовый пудель, а тут этакая махина королевская! – позволил себе усомниться Маркиз.

Но Лола прекрасно знала своего Пу И, поэтому только махнула рукой.

– Тогда я знаю, что делать! – Ленины глаза подозрительно блеснули. – Ты сейчас иди домой и сделай так, чтобы тебя не узнали, а я тут на минуточку заеду в одно место...

Он полистал свою пухлую записную книжку и испарился.

Лола не долго думала, как ей загримироваться, чтобы следить за ненавистной брюнеткой, предположительно укравшей ее сокровище, ее ненаглядного Пу И. Она смыла весь макияж, только чуть-чуть подвела глаза, облачилась в черные кожаные штаны и такую же кожаную куртку – косуху, обильно усеянную металлическими заклепками. Свои чудесные волосы заколола и безжалостно убрала под кепку. Маскарад завершили темные рокерские очки. Теперь никто не узнал бы в этом бесполом существе утреннюю элегантную даму с собачкой. Между делом Лола успела сообщить остальным четвероногим и крылатым обитателям квартиры о том, что Пу И похитили. Кот Аскольд только зажмурился, не слезая со шкафа, в то время как попугай отреагировал бурно.

– Кошмар, кошмар, мр-рак, тр-рагедия! – закричал он, горестно хлопая крыльями.

Лола снова тяжело вздохнула. Но долго предаваться унынию не было времени, потому что Маркиз уже звонил снизу и велел Лоле немедленно спускаться.

Леня открыл дверцу машины, и на дорожку выпрыгнул симпатичный и очень шустрый фокстерьер.

– Познакомьтесь, – сказал Леня оторопевшей Лоле, – это Рики.

– Зачем ты притащил в дом этого... эту... в то время как несчастный Пу И там томится в неволе! Ведь он еще жив! – в полном негодовании закричала Лола.

– Дорогая, – мягко сказал Леня, – я понимаю, что несчастье с Пу И катастрофически повлияло на твои умственные способности, но нельзя же так распускаться! Возьми себя наконец в руки и не валяй дурака! Рики – профессиональная ищейка, причем очень хорошая. Его

хозяин одолжил мне его на время. Так что оставь свои замечания при себе, а то Рики может обидеться...

Они прицепили его на длинный поводок и пешком пошли к злополучному кафе. У входа Маркиз дал Рики понюхать зеленый ошейничек, но фокстерьер не слишком им увлекся. Он вдруг завертелся на месте, потом подпрыгнул и резво устремился в одном направлении, не отвлекаясь на посторонние запахи.

– Он идет по следу Пу И? – спрашивала Лола, едва поспевая за шустрым фокстерьером.

– Сильно подозреваю, что он идет по следу той самой черной пуделицы, – на бегу отвечал Маркиз.

– А если она вообще ни при чем? – Лола даже остановилась.

– Вот тогда мы это и выясним, – рассердился Ленья, – сама же недавно упрекала меня в том, что я ничего не предпринимаю!

Рики пробежал два квартала. Потом завернул во двор, пересек его, ненадолго отвлекся на детскую песочницу, мимоходом задрал лапу у фонарного столба и привел своих сопровождающих к угловой парадной большого кирпичного дома, которую украшала внушительная железная дверь, и кодовый замок нахально блестел своими кнопками.

– Замок, конечно, можно открыть, – задумчиво проговорил Ленья, – но что толку?

– Так и будем здесь торчать? – разозлилась Лола. – Ждать, пока пуделица выйдет?

– Все равно до трех часов нам совершенно нечего делать, – напомнил Ленья.

Но активная Лолина натура требовала немедленных действий.

Лола внимательно оглядывалась вокруг и, кажется, собиралась по примеру Рики обнюхивать асфальтовую дорожку перед подъездом.

Первое, что она заметила, – это что не только они с Маркизом и Рики несли караул возле запертой металлической двери. На разном расстоянии от парадной сидело, лежало и нетерпеливо прохаживалось не меньше десятка разнообразных псов. Большую часть этой живописной группы составляли потрепанные жизнью, закаленные в борьбе за существование, украшенные бесчисленными шрамами бездомные собаки – не только косматые дворняги, но даже породистый дог со следами многочисленных драк и взглядом разбойника с большой дороги. Но в этом разношерстном коллективе попадались и ухоженные, домашние экземпляры, сытые, чистые, в дорогих кожаных ошейниках – явно сбежавшие от хозяина какой-нибудь час назад. Всех этих хвостатых прохиндеев объединяла, во-первых, принадлежность к мужскому полу, и во-вторых, нетерпеливая озабоченность, с которой они поглядывали на железную дверь.

Интересно, что никакой враждебности между лохматыми джентльменами не ощущалось – они переглядывались нервно, но доброжелательно, как абитуриенты перед вступительными экзаменами в престижный институт.

Рики почувствовал себя среди этой компании как дома. Он быстро обошел собратьев, насколько это позволял длинный поводок, обнюхался с двумя-тремя, слегка заворчал на дога и наконец уселся на свой обрубок хвоста прямо напротив подъезда, склонив голову набок и уставившись на запертую дверь круглыми блестящими глазами.

– Все ясно! – возмущенно проговорила Лола. – Твоя хваленая ищейка притащила нас к дому, где есть собачка, в... интересном для окрестных кобельков состоянии, и теперь ни о чем другом не думает... Мы что же, так теперь и будем торчать здесь вместе с этим похотливым чудовищем. – Лола неодобрительно покосилась на фокстерьера.

Рики посмотрел на нее очень выразительно. В его взгляде даже человек, совершенно не понимающий собачьего языка, легко смог бы прочитать:

«Ну, ребята, подождем еще немножко! Тут так интересно, и компания подобралась замечательная! Ну ведь мы же совершенно никуда не торопимся, ведь правда?»

Лола хотела высказать бессовестному фокстерьеру все, что она думает о непорядочных собаках, которые в служебное время, вместо того чтобы честно разыскивать несчастную жертву

коварного похищения, предаются грубым и низменным животным страстям, но в этот самый момент железная дверь подъезда медленно отворилась.

Лохматые донжуаны оживились и подались поближе к подъезду. Лола тоже напряглась и выжидательно уставилась на открывающуюся дверь.

Во всяком случае, псы были разочарованы.

На пороге появилась не очаровательная собачка, а всего лишь блондинка «за тридцать» в ярко-желтом костюме с черной отделкой. Женщина нервно оглядывалась по сторонам, переводя взгляд то на собак, то на часы.

Надо сказать, что собаки тоже вели себя странно: они теснились к самой двери, возбужденно нюхали воздух и нервно поскуливали, а выдающийся фокстерьер Рики неожиданно вскочил и громко залаял.

– У нее усики! – жарко прошептала Лола в самое ухо Маркизу.

– Что? – удивленно переспросил Леня.

– Усики! – гаркнула Лола на этот раз в полный голос. – И этот костюм! Ты можешь себе представить, чтобы нормальная блондинка надела такой костюм? – и с этими словами, энергично расталкивая собак, Лола ринулась к перепуганной даме. – Отдай Пу И! – истошно завопила Лола, прижав незнакомку к стене и пытаясь дотянуться ногтями до ее лица.

– Караул! Спасите! Убивают! – кричала жертва нападения, при этом вполне успешно обороняясь и даже умудрившись сбить с Лолы темные рокерские очки.

– Ах вот ты как! – Лола прибавила громкости. – Ты вот значит что! Ну если ты так, тогда держись! – И она яростно вцепилась в светлые волосы противницы.

Волосы неожиданно отделились от головы, и зрителям открылась черная как смоль густая шевелюра женщины в желтом.

– Ага! – радостно завопила Лола. – Я так и знала! Я говорила! Я была уверена! У нее парик!

Собаки, плотным кольцом окружавшие дерущихся женщин, заметно волновались. Они отрывисто лаяли и придвигались все ближе и ближе. Только фокстерьер Рики самозабвенно трепал доставшийся ему на растерзание светлый парик.

Леня протиснулся к раскрасневшейся брюнетке, схватил ее за локоть и негромко произнес:

– Мадам, боюсь, эти псы сейчас перенесут на вас все эмоции, которые вызвала у них ваша собака. Давайте, во избежание группового изнасилования, поднимемся к вам в квартиру и поговорим. Тем более что мы все равно уже обо всем догадались. Вы же не хотите, чтобы мы вызвали милицию?

– Милицию? Какую милицию? – неожиданным прокуренным басом осведомилась брюнетка. – Почему милицию? Это я, извиняюсь, вызову милицию! Ваша цепная собака напала на меня! – И дама попыталась ухватить Лолу за волосы, чтобы у Лени не осталось сомнений в том, кого она имеет в виду.

– Ах, так она меня еще и сукой обзывает! – завизжала Лола и предприняла очередную попытку выпарапать брюнетке глаза. – Сама сука! Отдай Пу И!

– Дамы, дамы, осторожнее, пожалуйста. – Леня безуспешно попытался разделить воюющие стороны, как миротворцы ООН в бывшей союзной Югославии, – на вас смотрят!

Действительно, на честный поединок с интересом смотрели все окружающие подъезд собаки. Количество их явно возросло за последние минуты, и у Лени возникло подозрение, что предприимчивый фокстерьер Рики уже берет у четвероногих зрителей ставки на исход состязания. Сам Леня не был уверен в результате. Если несколько минут назад он не задумываясь поставил бы на Лолу в отношении три к одному, то теперь он видел, что брюнетка в желтом – достойный соперник: ее темперамент и хорошая физическая форма дают ей неплохие шансы на успех, а длинные темно-красные ногти находятся уже в опасной близости от Лолиного лица.

Пора было прекратить опасный турнир. Леня разнял женщин и рывкнул в самое ухо разбушевавшейся брюнетке:

– А вы знаете, что вам грозит огромный срок?

– За что это? – Женщина скосила на Маркиза глаза, одновременно следя за Лолиными руками.

– Похищение животных приравнивается к киднеппингу, то есть к похищению детей!

– Не может быть! – ахнула брюнетка.

– Еще как может! Указ от двадцать четвертого апреля прошлого года ввел в статью сто сорок первую Уголовного кодекса пункт «Е» – похищение животных с целью выкупа, – вдохновенно врал Леня, – если в злостной форме, то до двенадцати лет лишения свободы, а если с особым цинизмом – то даже до пятнадцати лет...

– Я без особого цинизма! – в ужасе простонала женщина. – И не в злостной форме! И вообще не с преступной целью!

– А с какой же, интересно? – злобно выкрикнула Лола и, воспользовавшись временной растерянностью своей достойной соперницы, добралась наманикюренными ногтями до ее лица и оставила на щеке длинную глубокую царапину.

– Все, все! – Маркиз втащил женщин в подъезд, сопровождаемый обиженным лаем собачьей общественности, крайне разочарованной тем, что поединок не удалось досмотреть до конца. Сзади на длинном поводке тащился фокстерьер Рики, на морде которого было написано все, что он думает о человеке, из-за которого провалилась такая замечательная коммерческая инициатива.

– Какой этаж? – сурово осведомился Маркиз.

– Шестой! – прорыдала брюнетка, прижимая к расцарапанной щеке кружевной платочек.

Леня втолкнул женщин в кабину лифта, стараясь все время находиться между ними, втянул за собой фокстерьера и ткнул пальцем в кнопку шестого этажа.

Пока лифт, дребезжа, карабкался вверх, Лола с ненавистью смотрела на брюнетку и наконец прошипела, как королевская кобра, приехавшая провести любимую невестку:

– Если твоя мерзкая собака хотя бы одним когтем прикоснулась к моему маленькому ангелу, я вырву у тебя последние волосы! Если, конечно, та проволока, которая у тебя на голове – это действительно твои настоящие волосы, а не еще один парик!

– Кого это, интересно, ты называешь маленьким ангелом? – осведомилась брюнетка, упреков свободную руку в бок и так скривив рот, как будто заглянула по ошибке на кухню к лучшей подруге и увидела в кастрюле с грибным жульеном парочку дохлых мышей. – Уж не того ли маломерного сексуального маньяка, который бросался на мою бедную Джульетту, как солдат на монахиню? Не беспокойся, они заперты в разных комнатах! Я позаботилась о том, чтобы защитить честь моей маленькой девочки!

Лифт добрался наконец до шестого этажа.

Брюнетка вытащила ключ и вставила его в замочную скважину.

Изнутри квартиры доносились какие-то странные звуки, отчасти напоминающие работающую лесопилку в момент распилки особенно сучковатого бревна, отчасти же – звуковую дорожку порнографического фильма повышенной категории.

– Значит, в разных комнатах? – насмешливо поинтересовалась догадливая Лола.

Брюнетка распахнула дверь и бросилась в глубину квартиры с истошным воплем:

– Джульетта, девочка моя!

К тому моменту, когда Лола и Маркиз вслед за хозяйкой квартиры вбежали в гостиную, той уже удалось ценой невероятных усилий разъединить страстных четвероногих любовников, и теперь она стояла в центре пушистого ковра, подняв на недосягаемую для Пу И высоту и нежно прижимая к груди крупную черную пуделицу с кокетливой шелковой красной ленточкой на шее. Брюнетка в желтом придиричиво осматривала брюнетку в красном и громко причитала:

– Девочка моя, мое сокровище, что этот негодяй с тобой сделал? Как он сумел до тебя добраться?

Пуделица явно давала хозяйке понять, что ей очень понравилось то, что с ней делал маленький негодяй, и она не прочь продолжить. Пу И волчком вертелся вокруг обнявшихся дам и требовал немедленного воссоединения любящих сердец.

Фокстерьер Рики сидел перед дверью, выразительно склонив голову набок и свесив розовый язык, и с интересом уважительно поглядывал на маленького разбойника, желая расспросить у того подробности происшедших волнующих событий. Лола неожиданно громко расхохоталась.

– Значит, в разных комнатах? – с трудом проговорила она между приступами смеха. – В разных, значит, комнатах? Ну цирк! А ты представляешь, какие у нее будут щенки?

– Джульетта, цветочек мой, золотко мое, девочка моя! – басом зарыдала брюнетка. – Неужели это правда? Несомненно, он взял тебя силой! А что это вы, дама, извиняюсь, со мной на «ты» разговариваете? – неожиданно повернулась она к Лоле.

– Ну как же, мы ведь теперь родственники! – невинно проговорила та в ответ. – Пу И, деточка моя, иди скорее к маме! Тебя похитила эта злодейка! У, зараза!

– Никто его и не похищал, – злорадно высказалась хозяйка пуделицы, – как увидел мою Джульетточку, так сразу сам, извиняюсь, выпрыгнул из ошейника! Я уж потом его подхватила...

– Ага, при свидетелях призналась в похищении собаки! – торжествующе завопила Лола. – Да я тебя посажу!

– Не надо. – Брюнетка опустила на диван и заплакала уже не наигранно искренне и горько. – Не надо, я же не собиралась причинить ему никакого вреда. Честное слово, если бы не получилось с выкупом, я бы его обязательно вернула!

– Не верю! – запальчиво воскликнула Лола, но тут же прикусила язык, потому что Леня пихнул ее локтем: хватит, мол, дурака валять, видно же, что женщина не притворяется.

– А я верю, – сказал он, – тем более что Пу И такое приключение явно пошло на пользу. И вообще, мне кажется, что он равнодушен к крупным брюнеткам...

Отпущенная на волю Джульетта грациозно сидела на ковре, а предприимчивый фокстерьер Рики уже приближался к ней, похотливо блестя глазками. Джульетта потупилась, но тут Пу И соскочил с Лолиных колен и решительно направился к фокстерьеру. Он протиснулся между ними и очень выразительно поглядел на Рики.

«Извини, мужик, – говорил его взгляд, – но сегодня тебе ничего здесь не обломится. Место занято».

Рики понял, отвернулся и отправился на кухню в поисках материальной компенсации. Пу И прыгнул Лоле на колени, свернулся калачиком и тут же заснул сном утомленного праведника.

– Как же вы меня нашли? – уныло пробормотала брюнетка.

– К вашему дому нас привел Рики, – любезно ответил Маркиз, – он ищейка, шел по следу вашей собачки.

– Но я же вышла без Джульетты!

– Вот-вот, – Лола подскочила с дивана, так что Пу И чуть не шлепнулся на пол, – думает, она парик надела – и никто не узнает! Костюм надо было другой надеть! Где же это видано, чтобы блондинка носила желтое с черным? Ну прикупила бы что-нибудь голубенькое... или в цветочек, если уж всерьез решила на преступление! Да все равно, по твоему лицу издалека видно, что ты – натуральная брюнетка! Да еще на часы поглядывала, торопилась – тебе ведь к трем часам нужно было успеть передать нам письмо с условиями возвращения заложника!

– Клянусь вам, я не хотела! – Брюнетка прижала руки к пышному бюсту. – Это вышло совершенно случайно!

Маркиз поднял брови:

– Вы хотите сказать, что вам совершенно случайно понадобились пять тысяч долларов?

– Нет, я... решила похитить вашу собачку совершенно случайно, под влиянием минутного порыва. Просто когда я увидела, как темпераментно он устремился за бедной Джульеттой...

– Не лгите! – поморщился Маркиз. – И никогда не клянитесь понапрасну, это очень большой грех. Вы ведь оставили там в кафе записку – и написали ее заранее. Кстати, а как вы собирались передать нам свои дальнейшие инструкции в три часа у кафе?

– Я думала попросить какого-нибудь мальчишку на велосипеде... дать ему немного денег. Чтобы он передал письмо...

– Какая глупость! – фыркнула Лола. – Мы бы тут же взяли его за жабры, допросили с пристрастием! Вашу легкомысленную собаку небось знает весь район! Нечего тут каяться и прижимать руки к бюсту восьмого размера, нашла чем гордиться!

– Не восьмой, а пятый! – закричала брюнетка. – И вообще, это не твое дело!

– Пятый – это совсем неплохо, – ободряюще улыбнулся Ленья, за что тут же получил ошутимый тычок в бок, – но давайте все же перейдем, наконец, к делу. Для чего вам так срочно понадобились пять тысяч долларов? Только, пожалуйста, не говорите мне, что вашей очаровательной Джульетте грозит голодная смерть – я все равно не поверю.

С этими словами Ленья обвел рукой комнату. Действительно, глядя на просторную светлую гостиную, трудно было поверить, что хозяйка ее находится на грани бедности. Стену комнаты украшал красивый голубой ковер, явно восточного происхождения и наверняка очень дорогой. Вообще, многое в комнате напоминало о востоке или, скорее, о Кавказе – высокие медные кувшины на шкафу, покрытые тонкой чеканкой, темные керамические сосуды, блестящие медные блюда. На середине ковра висели два скрещенных старинных кинжала в серебряных ножнах, отделанных бледной бирюзой в мелких извилистых прожилках. От всей этой экзотики казалось, что комната наполнена ярким южным солнцем. В довершение картины в одном из углов гостиной стояло небольшое южное деревце в кадке.

– Мне почему-то кажется, – проговорил вдруг Маркиз мечтательно, – что вы очень хорошо варите кофе. Давайте выпьем по чашечке и поговорим не спеша, спокойно...

Хозяйка послушно поднялась, склонила увенчанную роскошными черными кудрями голову и удалилась на кухню.

Кофе действительно оказался отменным. Подала его хозяйка с ледяной минеральной водой без газа.

– Восхитительно! – от души похвалил Ленья, отставил опустевшую чашку и воззрился на хозяйку. – А теперь мы вас внимательно слушаем. Для начала, кто вы и как дошли до жизни такой?

Хозяйка опустила взгляд в пустую чашку, будто стараясь разглядеть там узоры кофейной гущи, чтобы понять по ним, что ее ожидает, и наконец начала рассказывать тихим голосом.

Ее зовут Анфиса Саркисовна Птичкина. Птичкина – это фамилия по мужу, а девичья была Григорян. Отец ее армянин, царствие небесное, он давно уже умер, мама тоже. Но мама была русская, и отец женился на ней по страстной любви. Армянские родственники отца были очень против женитьбы его на русской женщине, так что отец со всеми рассорился, переехал в Санкт-Петербург и никаких отношений с тех пор с родственниками не поддерживал. Так что она никого из своей армянской родни не знает. Может быть, они-то и не прочь были потом иметь благополучных родственников в Санкт-Петербурге, когда в Армении начались всякие неприятности, но отец к тому времени уже умер, так что никто из родни так и не объявился.

– Я к тому это рассказываю, – сказала Анфиса Саркисовна, правильно оценив недовольную гримаску Лолы, которой было одинаково скучно слушать как про наличие у Анфисы Саркисовны многочисленных армянских родственников, так и про отсутствие таковых, – чтобы вы

поняли, что у меня сейчас никого нет, кроме Джульетты, и в нынешней критической ситуации совершенно не к кому обратиться.

«А муж?» – хотела было спросить Лола, но сдержала вопрос, сообразив, что до мужа очередь постепенно дойдет.

Она, Анфиса, вышла замуж тоже по страстной, пламенной любви, очевидно, это у них в семье наследственное, за Георгия Андреевича Птичкина, скромного преподавателя Текстильного института, который, впрочем, после перестройки довольно быстро переквалифицировался в бухгалтеры. Со временем ее муж нашел весьма прилично оплачиваемую работу в одной коммерческой фирме. Не сказать, что супер, деньги лопатой не гребли, но, как говорится, жить было можно. Сама Анфиса уже много лет занимается породистыми собаками – она эксперт наивысшей категории, и от щенков тоже неплохой доход, поскольку Джульетта – чемпионка породы.

В этом месте рассказа Лола не стала скрывать злорадной улыбки: вот, мол, тебе породистые щенки! Поглядим, на кого они теперь будут похожи!

– Продолжайте, Анфиса Саркисовна, – доброжелательно сказал Маркиз и поглядел на Лолу с укоризной.

Хозяйка тяжело вздохнула, а Лола удивилась – с чего это он так ласково заговорил с ненавистой похитительницей их любимой собаки? Нет, конечно, бюст пятого размера имеет место (именно пятого, насчет восьмого Лола, пожалуй, немного погорячилась), но эти жуткие проволочные волосы, этот загнутый, как у вороны, армянский нос... И возраст... Да ей явно к сорока! Хотя восточные женщины всегда выглядят старше своих лет... Нет, не может быть, Ленька не сумасшедший!

Хозяйка в это время отлучилась на кухню за пепельницей.

– Не дури, – тихонько сказал Ленья, – что это ты ополчилась на бедную женщину? Оставь свои ревнивые замашки!

– Бедную женщину? – чуть не заорала Лола. – Отчего это она бедная? Потому что не слупила с нас пять тысяч долларов? И вообще, что мы с тобой здесь делаем? Зачем ты ее выслушиваешь? Слава Богу, вернули Пу И, и пойдем себе восвояси!

– Помолчи, – спокойно сказал Ленья, – посиди и помолчи, если ничего не понимаешь.

Лола надулась и замолчала. Ленья дал прикурить вернувшейся Анфисе и снова ласково на нее поглядел.

– Все было хорошо, – бормотала она, – но потом...

В начале апреля муж поехал на дачу – у них вполне приличный домик на шестьдесят третьем километре Выборгского шоссе. Муж поехал один, потому что у них с Джульеттой была очень престижная выставка. Он хотел вернуться в воскресенье пораньше, чтобы не попасть в автомобильные пробки. А вместо этого ей позвонили в час ночи в субботу и сообщили, что машина попала в аварию, взорвался бензобак и водитель сгорел.

В этом месте Анфиса горестно поникла головой, а Маркиз придвинулся ближе и даже погладил ее по плечу. Лола терялась в догадках.

Хозяйка, однако, быстро оправилась и продолжала, неторопливо затянувшись сигаретой.

Авария случилась на тридцать третьем километре. Там поворот, и какой-то пьяный водитель неожиданно вывернул на полной скорости. Машины столкнулись, у этого пьяницы в его развалюхе дверца плохо закрывалась, да еще он и не пристегнут был, так что от толчка его выбросило за пять метров от дороги, благодаря чему он остался жив. А муж всегда ездил очень аккуратно, очевидно, после удара он потерял сознание, а потом взорвался бензобак... В общем, в крематории даже гроб не открывали.

Милиция дело закрыла – тот пьяница до сих пор в больнице в тяжелом состоянии. И выйдет оттуда инвалидом.

– А как они так быстро узнали, что это именно ваша машина взорвалась, раз там остались один головешки? – задал Леня вопрос.

Анфиса Саркисовна снова прижала платок к глазам и гнусавым от слез голосом проговорила:

– Кое-что от машины все же осталось, в том числе номера... И номер на моторе... В общем, сомнений не было...

– Не было? – повторил за ней Маркиз, словно эхо. – Я правильно понял, что позднее они появились?

Анфиса Саркисовна огляделась по сторонам, как будто опасалась, что ее кто-то подслушивает, и неожиданно перешла на шепот:

– Мне кажется, что Гуля жив!

– Кто жив? – удивленно переспросил Леня.

– Гуля... Так я называла своего мужа... – Анфиса Саркисовна зарделась, как влюбленная семиклассница, и смущенно потупилась.

– И откуда же у вас возникло такое предположение? – подтолкнул ее Маркиз, чувствуя, что пауза явно затягивается.

– Он здесь был! – сообщила дама трагическим шепотом.

– Он приходил к вам? Вы его видели? – уточнил Леня.

– Нет конечно, – Анфиса посмотрела на него удивленно, – если бы я его видела, я не говорила бы «мне кажется»!

– Логично, – согласился Маркиз, – тогда что же вы имеете в виду?

– Я заметила следы его присутствия! – торжественно сообщила дама примерно с такой интонацией, с какой, наверное, на светских приемах объявляют: «Их Величества король и королева Нидерландов!».

– А именно? – Леня понял, что Анфиса Саркисовна считает рассказ законченным и не собирается продолжать. – Что именно вы заметили?

– Первый раз это случилось приблизительно неделю назад. Мы с Джульеттой вышли тогда на прогулку, потом я вспомнила, что у нас закончился специальный собачий шампунь, мы ненадолго заглянули в зоомагазин... в общем, нас не было дома достаточно долго, а когда мы вернулись, все было как-то не так...

– Что значит «не так»? – не унимался Леня, как всякий мужчина жаждущий подробностей.

– Ну как вам сказать, – Анфиса воздела черные глаза к потолку, – ничего конкретного я не могу вспомнить, но у меня было явственное ощущение, что в доме без меня кто-то хозяйничал. Какие-то мелочи были переставлены, переложены...

– Что-нибудь пропало?

– Нет, в тот первый раз ничего не пропало...

– Так может быть, это вам только показалось? Вы были потрясены недавней смертью мужа и вполне естественно...

– Вы хотите сказать, что я начала сходить с ума? – вскрикнула дама, гневно сверкнув очами. – Ничего подобного! Я пока что совершенно нормальна, и память у меня в полном порядке!

– Я вовсе не это имел в виду! – принялся оправдываться Маркиз. – Вы сказали, что ничего не пропало в первый раз, значит, были и другие случаи?

– Конечно, – Анфиса Саркисовна мгновенно успокоилась, – конечно, это повторилось буквально на следующий же день. Тогда нас с Джульетточкой не было дома еще дольше – нам обязательно нужно было показаться ветеринару...

– Тебе-то точно пора показаться ветеринару, – не удержалась Лола от язвительной реплики.

Леня бросил на нее суровый взгляд, а Анфиса Саркисовна состроила на лице выражение трагической скорби, какое появляется почти у каждой женщины, когда она замечает, что порвала только что купленные дорогие колготки. Показав, что она выше таких мелких оскорблений, дама продолжила:

– И когда мы вернулись домой, в квартире тоже все было не так. У нас явно кто-то побывал. Я очень испугалась – ведь я живу теперь одна... То есть, конечно, с Джульетточкой, но мужчины в нашем доме нет, и эти странные посещения... Короче, я снова стала проверять, не пропало ли что-нибудь, и на этот раз кое-что действительно пропало!

Выдержав эффектную паузу, как стоматолог перед тем как сообщить больному, что по ошибке удалил тому четыре здоровых зуба, Анфиса Саркисовна сообщила:

– Пропали любимые ботинки Гули. Пропала его любимая голубая французская рубашка. Пропал его любимый ирландский свитер ручной вязки. Пропали его домашние тапочки. И пропал его паспорт!

– Как паспорт? – удивился Леня. – Ведь паспорт вы должны были сразу после смерти мужа сдать в милицию в обмен на официальное свидетельство о смерти?

– Понимаете... – хозяйка снова опустила голову, – так получилось, что... ну, когда все случилось и после, я была в ужасном состоянии... И я просто не нашла паспорта на обычном месте, вот тут. – Она встала и открыла дверцу небольшого секретера. – Я сказала в милиции, что паспорт муж, очевидно, взял с собой. И он сгорел в машине, тогда мне выдали свидетельство просто так. А потом, когда прошло какое-то время, я стала разбирать бумаги в секретере и нашла паспорт. Оказывается, он просто завалился вот сюда, за эту полку. Конечно, мне нужно было бы сдать его, но я все откладывала... да и что изменилось бы? И вот, после этих странных посещений, паспорт пропал.

Анфиса Саркисовна закурила новую сигарету и опять тяжело вздохнула.

– А еще... – проговорила она неуверенно, как будто сомневаясь, стоит ли рассказывать такое малознакомым людям. – А еще ко мне приходил... черный человек!

– Кто? – удивленно переспросил Маркиз.

– Черный человек, – обреченно повторила Анфиса.

Лола взглянула на своего компаньона и повертела пальцем у виска.

– Я так и знала, что вы не поверите! – воскликнула Анфиса Саркисовна, взволнованно дыша. – А между тем это правда!

– Черный человек, прямо как к Моцарту! – насмешливо проговорила Лола. – А он вам реквием случайно не заказал?

– Помолчи! – строго прикрикнул на нее Маркиз. – Расскажите подробнее, что это за черный человек?

– Ну такой худой, мрачный, неприятный, весь в черном, да еще в черных очках... Пришел и спросил Гулю... То есть, конечно, Георгия... Я заплакала и сказала, что моего мужа нет в живых, а он снял свои очки, посмотрел на меня так недоверчиво... и исчез...

– Как это – исчез? Растворился в воздухе?

– Нет конечно! – ответила Анфиса обиженно. – Что вы из меня сумасшедшую делаете! Просто я заплакала, а потом, когда вытерла глаза и огляделась, его уже не было! Ушел, не попрощавшись, ничего не сказав! Очень странно!

– Действительно странно, – согласился Маркиз.

– Так что там насчет пяти тысяч долларов и похищения Пу И? – невежливо поторопила Лола, которой все жутко надоело – эта комната, ее темпераментная хозяйка и даже черномазая Джульетта, которая то и дело бросала на Пу И томные взгляды.

– Ах да! – встрепенулась Анфиса. – Вы себе не представляете, каково это – вернувшись домой, видеть, что кто-то был тут в твоё отсутствие! И кому, интересно, могли понадобиться вещи Гули, кроме него самого? Это как... как голос с того света!

– Вы слышали его голос? – тут же отреагировал Маркиз. – Муж говорит с вами во сне?

– Нет! – твердо ответила Анфиса. – Если бы я слышала голоса, я отправилась бы к психиатру!

– А так куда вы отправились? – взвилась Лола. – Кто потребовал у вас пять тысяч долларов?

– Сначала я пошла в милицию, – угрюмо сообщила Анфиса. – Разумеется, я не стала говорить там, что кто-то врывается в мою квартиру в мое отсутствие и что пропали ботинки и рубашки. Я просто попросила предъявить мне неопровержимые доказательства того, что в машине погиб именно мой муж. Ну они мне такое ответили...

– Я себе представляю, – тихонько пробормотал Леня, и даже Лола невольно поежилась, – но скажите, а с чего они вообще решили, что в аварии погиб именно ваш муж? Как они это объяснили? Ведь официального опознания, я так понимаю, не было?

Лола поглядела на Леню с удивлением. Ну погиб муж, женщина, конечно, переживает, вот и чудится ей всякое, что совершенно неудивительно. Жалко, конечно, но при чем здесь они с Пу И? Но Леня никак на ее взгляд не отреагировал, а продолжал расспрашивать.

– Ну как, – бубнила Анфиса, – тело ведь нашли на месте водителя... обгорело оно так, что опознавать практически нечего... машина действительно наша... и потом, мне предъявили кусочек куртки... это была куртка Гули!

– Так-так... – сказал Маркиз, – и больше никаких опознавательных мероприятий не производилось? Вы не помните?

– Я помню все, что случилось! – высокопарно ответила Анфиса. – Я просто не могу этого забыть!

«Никто не забыт, и ничто не забыто», – вспомнила Лола старика-газетчика.

– И что же вы решили предпринять?

– После того как они там, в милиции, сообщили мне, что именно по моему собственному утверждению посчитали человека, найденного в сгоревшей машине, моим мужем... Но ведь я опознала только куртку! В общем... Я решила обратиться к частному детективу.

– Так я и думал, – тихонько пробормотал Маркиз, – и как вы его нашли? Небось по объявлению в газете?

– Нет, что вы! Мне дала его координаты парикмахер. Очень хороший мастер, я знаю ее много лет...

В этом месте Лола пренебрежительно воззрилась на проволочную шевелюру Анфисы Саркисовны. Работы мастера там не было видно. Но справедливости ради следовало признать, что и волос у Анфисы было раз в пять больше, чем у обычной женщины, так что, очевидно, с нее за стрижку брали двойной тариф.

– Ваш мастер сама пользовалась услугами этого детектива? – настойчиво спрашивал Маркиз.

– Нет, что вы! Ей дала его телефон одна клиентка, очень обеспеченная. Можно сказать, «новая русская». Что-то там у нее получилось с мужем: не то она хотела с ним развестись, а он не разрешал, не то наоборот, требовал развода, а она хотела жить с ним долго и счастливо... в общем, благодаря этому частному детективу все кончилось благополучно, они поменяли квартиру... и теперь она всем дает его координаты.

– Хм, а она сама, эта клиентка, она как нашла этого детектива?

– Кажется, через мужа... – неуверенно промолвила Анфиса.

– Ах вот как! – глубокомысленно изрек Маркиз. – И какое же впечатление произвел на вас этот частный детектив?

– Самое благоприятное! – оживилась Анфиса Саркисовна. – Он очень внимательно меня выслушал и обещал помочь!

– И каким же образом?

– Ну он сказал, что можно опознать умершего по зубной карте, – есть такой метод, он прочитал мне целую лекцию! Он очень образованный и напористый, замечательный специалист в своем деле! И такой обаятельный... Конечно, гонорары он берет очень большие... но ведь он – моя единственная надежда! – В этом месте своего трагического монолога Анфиса Саркисовна горестно взглянула на Пу И и снова зарыдала.

Маркиз, который за сегодняшний день уже несколько утомился от дамских слез, беспокойно пошевелился.

– Ну-ну, – нервно проговорил он, – только не нужно плакать. Как его имя, этого вашего замечательного специалиста, надежды отечественной криминалистики?

Анфиса молча протянула ему маленький прямоугольник.

«Детективное агентство „Следопыт“, – прочитал Маркиз, – специалист высшей категории Сидоров Т. А.»

– Томас Альбертович, – гнусавым от слез голосом произнесла Анфиса.

На стене возле подъезда красовался целый иконостас из табличек, как в былые времена на дверях огромных коммунальных квартир, только вместо фамилий и инициалов многочисленных жильцов и количества звонков эти таблички сообщали названия фирм, расположившихся под гостеприимной крышей бывшего детского сада.

«Кассандра. Компьютеры и все для них» – извещала скромная надпись на строгой металлической пластине.

«Ясновидящая Акулина. Предсказания по картам Таро, полету птиц, кофейной гуще, китайской книге перемен, скандинавским рунам. Все тайны древнего Востока и Запада. Гадания по линиям руки» – предлагала посетителям странный набор услуг эффектная черная с золотом табличка.

«Умелец. Строительные материалы оптом, мелким оптом и совсем мелким оптом» – зывала лаконичная доска с простым как грабли прямым шрифтом.

«Следопыт. Частное детективное агентство. Решение различных проблем» – приглашала затаенная надпись на прямоугольнике белого пластика.

– Нам сюда, – сообщила Анфиса Саркисовна, ткнув пальцем в табличку «Следопыта».

– Догадываюсь, – кивнул Маркиз, открывая массивную дверь перед своей спутницей.

Офис детективного агентства располагался на втором этаже. Леня подумал, что когда-то в этом помещении располагалась игровая комната, где счастливые дети, воспитывавшиеся в детском саду, нераспустившиеся цветы жизни, играли в лото «Зоологическое» и в познавательную игру «Зеленый огонек», помогающую быстро и безболезненно выучить правила уличного движения, но теперь обитатели офиса играли в другие, более взрослые игры. На стенах небольшой приемной висели рекламные плакаты с изображениями образцов современного стрелкового оружия.

«Автомат „Узи“, производство Израиля, десантное исполнение, укороченный вариант», – прочитал Леня на ближайшем плакате, когда высокая девушка в кожаном жилете оторвалась от светящегося экрана компьютера и неожиданно низким голосом осведомилась:

– Вы к кому? Вам назначено?

– Мы к Томасу Альбертовичу, – робко пробасила Анфиса Саркисовна.

– Девушка, не отвлекайтесь, у вас за углом трехголовый монстр притаился, а переход на четвертый уровень – за тем горбатым мостиком, – Маркиз ткнул пальцем в экран монитора и, распахнув дверь кабинета, втолкнул туда вяло упирающуюся Анфису.

– Спасибо... – растерянно проговорила секретарша и снова уткнулась в монитор.

– Здравствуйте, здравствуйте, мое почтение! – радостно провозгласил Маркиз навстречу медленно приподнимающемуся из-за просторного стола рыжеусому субъекту лет тридцати пяти в несколько устаревшем черном кожаном пиджаке. – Вы Томас, я, соответственно, Лео-

нид, как говорится, очень приятно, а эта вот безутешная особа – моя, извините за выражение, двоюродная сестра или, можно сказать, родная кузина...

С этими словами Леня заботливо усадил несколько растерявшуюся Анфису Саркисовну в глубокое низкое кресло напротив письменного стола, а сам, вальсируя, промчался вдоль стен кабинета, оглядывая развешанные тут и там фотографии.

– Очень мило, очень мило, – Леня остановился возле снимка в деревянной рамочке, – ой, да это же вы, Томас Альбертович! Невозможно ошибиться! И с кем? Эта незабываемая кепочка, эта короткая трубка, эта скрипка – конечно же, с самим Шерлоком Холмсом! Ну надо же, ну надо же! И автограф! А это что за милая старушка с проникновенным взглядом истинного детектива? Неужели это мисс Марпл угощает вас чаем? Кто бы мог подумать! Хороший чай, «Липтон», – Маркиз принялся к фотографии, – и кексы, Боже мой, какие кексы! Наверняка с вишневой начинкой! А это – как? Не может быть! Эти великолепные усы, этот безупречный воротничок! Сам Эркюль Пуаро подносит огонек к вашей сигарете! Причем лучший вариант Эркюля Пуаро в исполнении Дэвида Суше! Он всегда нравился мне гораздо больше, чем Питер Устинов! А это – никак вы обедаете с Ниро Вульфом? Старик отлично выглядит, румяный, жизнерадостный, немного пополнил... А вы – вы просто как живой! Рыжеусый хозяин кабинета негромко кашлянул, пытаясь обратить на себя внимание, и проговорил:

– Вы родственник моей клиентки? В таком случае я охотно вас выслушаю. Вас, должно быть, интересует ход расследования? Хотя Анфиса Саркисовна внесла только аванс...

– Вы, извините, до какой должности дослужились – инженер или старший инженер?

– Как? Что такое? Я вас не понимаю! Я сотрудник спецслужбы в отставке! Ушел из органов в связи с несогласием... Исключительно по политическим мотивам...

– Да что вы? – Леня, завершив круг вальса, пританцевал к просторному столу и ловко выхватил из верхнего полуоткрытого ящика томик в яркой глянцевой обложке. – На что спорим? Детектив! Мымрина? Ой, нет, извините, Неспанский! Вечная привычка молодых инженеров держать детектив в левом верхнем ящике стола! А если бы вы были дамой, у вас там обязательно лежало бы вязанье. А в правом ящике наверняка кружка и кипятильник. Хотя у вас сейчас собственная фирма и секретарша всегда готова... принести чай или кофе, но привычка – вторая натура, с этим ничего не поделаешь. Так признайтесь, до старшего инженера дослужились?

– Я был ведущим! – обиженно произнес Томас Альбертович и тут же прикусил язык. – То есть...

– Ну, значит, я вас недооценил! Простите великодушно! И сколько времени вы не получали зарплату, прежде чем наконец решились открыть свое дело. Год? Два года?

– Год... – признался Томас Альбертович, и взгляд его подернулся дымкой воспоминаний. – Но первое мое дело было не вполне успешным...

– Ничего не говорите! Я догадаюсь сам! Вы попытались торговать компьютерами. Я прав?

– Да, вы совершенно правы... но когда партия компьютеров прибыла из-за рубежа...

– У вас возникли проблемы с таможей.

– Да, это такие сволочи...

– А потому что не надо было пытаться оформить эти компьютеры как медицинское оборудование! Хотели немножко сэкономить на пошлине, вот и влипли в историю!

– А после компьютеров я перекинулся...

– На сахар! – Маркиз не дал Томасу Альбертовичу закончить фразу, перехватив ее, как ловкий футбольный защитник перехватывает мяч.

– Да, совершенно верно... – Глава детективного агентства растекся в кресле, как пломбир на жаре, его рыжие усы обвисли, как флаги в штиль, – но здесь мне тоже не повезло...

– Польстились на украинский сахар? – Маркиз не столько спрашивал, сколько утверждал, совершенно уверенный в своей правоте. – А рынок завалили дешевым и качественным бразильским!

– А откуда вы все это знаете? – спохватился наконец Томас Альбертович. – Вы что, тоже детектив?

– Тоже! – передразнил его Леня и тут же повернулся к Анфисе Саркисовне: – И этому человеку вы хотели доверить расследование? Да он просто клинический пример бизнесмена-неудачника! Он проделал все типичные ошибки мелких предпринимателей начального этапа становления отечественного дикого капитализма! Признайтесь, дорогой вы наш, на акциях «МММ» тоже небось здорово погорели?

Вместо ответа пригорюнившийся Томас Альбертович только тяжело и печально вздохнул, как иногда вздыхают во сне немолодые крупные собаки служебных пород.

Потом он неожиданно встряхнулся, как мокрый сенбернар после купания, и агрессивно уставился на Леню, распушив рыжие разбойничьи усы.

– Что вы, собственно, хотите сказать? Вы хотите очернить меня в глазах клиентки? Во-первых, все мои прежние неудачи касались исключительно коммерческих проектов, а как только я занялся частным сыском, дела у меня пошли очень хорошо! Просто блестяще! Можете поинтересоваться у моих бывших заказчиков! Их очень много! А во-вторых, мы с этой дамой уже вступили в договорные отношения, и она не в праве отказаться от услуг моего агентства в одностороннем порядке!

– Да что вы говорите? – радостно пропел Маркиз. – С каких это пор клиент не имеет права расторгнуть по собственной инициативе самый обычный договор-поручение? Боюсь, Томас Альбертович, вы очень слабо подкованы в правовых вопросах!

– Ну конечно, клиент имеет такое право, – детектив смущенно потупился, – я не совсем точно выразился, но это будет с ее стороны не совсем этично...

– Отчего же? Анфиса Саркисовна заплатила вам аванс?

– Ну заплатила... – протянул Сидоров.

– И сколько?

– Только сто долларов... Вы понимаете, это чисто символическая сумма...

– Отчего же, – Маркиз пожал плечами, – некоторые люди за такую сумму работают целый месяц... А вы, Томас Альбертович, что сделали за эту символическую сумму?

– Я навел кое-какие важные справки, обзвонил ряд людей... Но я не могу ознакомить вас с этой информацией, она представляет собой служебную тайну, и я сообщу о результатах своих действий только самой клиентке, по первому ее требованию!

– Это очень мило, – насмешливо проговорил Маркиз, внимательно разглядывая одну из фотографий на стене кабинета, – очень мило! Только что ваша клиентка рассказала мне, что вы хотели установить личность погибшего по зубной карте... Я не ошибся?

– Да, совершенно верно, – детектив оживился, – именно этим я и начал заниматься...

– То есть вы хотите раздобыть зубную карту покойного Георгия Андреевича Птичкина?

– Ну да, конечно, – подтвердил Томас Альбертович, подозрительно посмотрев на Леню. Он чувствовал, что тот заманивает его в ловушку, но не понял пока, в какую.

– И где вы намерены достать эту карту?

– Ну, естественно, там, где он лечил зубы... Вероятно, в стоматологической клинике...

– И с чем вы хотите эту карту сличить? – Леня медленно, почти крадучись, приблизился к столу детектива, как акула приближается к легкомысленному купальщику.

– С зубами трупа... Я, конечно, понимаю, что уже прошло некоторое время со дня смерти, но я намерен добиться эксгумации тела. В интересах восстановления истины, так сказать...

– Думаю, вам будет очень непросто добиться эксгумации, – проговорил Маркиз, сочувственно улыбнувшись.

– Конечно, непросто, – Томас Альбертович гордо расправил плечи, – но я не боюсь трудностей, в этом и заключается моя работа – преодолевать их в интересах своего клиента!

– Отличная фраза! – воскликнул Маркиз. – Вы не будете возражать, если я ее запишу? – Он достал из кармана небольшой блокнот и шариковую ручку. – Мало ли, в жизни пригодится... Так все-таки, коллега, скажите, как вы думаете добиться эксгумации тела?

– А вот это уже моя профессиональная тайна! – Детектив откинулся в кресле и снова горделиво распустил свои роскошные усы. – У меня есть определенные связи, которые придется задействовать... очень серьезные связи... именно поэтому я беру такие высокие гонорары, вы ведь понимаете, все чиновники берут взятки...

– Берут! – Маркиз пригорюнился. – Ох, берут! Еще как берут! Это просто катастрофа! Но только, боюсь, ни за какую взятку вам не удастся добиться эксгумации тела, если его нет!

– То есть как «нет»? – растерянно переспросил Томас Альбертович.

Он уже почувствовал, что ловушка захлопнулась, но еще не понял, как он в нее попал.

– А вот так – нет! До сих пор еще никому не удавалось добиться эксгумации кремированного трупа!

– Кремированного? – Детектив удивленно захлопал голубыми глазами. – Но она... моя клиентка... ничего мне не сказала. – И он перевел обиженный взгляд на Анфису Саркисовну, молча слушавшую весь разговор. – Разве ваш муж был кремирован?

– Увы! – Леня развел руки, а Анфиса Саркисовна сдержанно кивнула. – Увы! – повторил Леня. – А вы, Томас Альбертович, целый час распинались перед бедной женщиной, демонстрировали свою эрудицию, рассказывали ей про опознание по зубной карте – и даже не поинтересовались, как был похоронен ее муж! Ведь вы, кажется, работаете частным детективом, то есть должны уметь задавать нужные вопросы в нужные моменты... Что там по этому поводу говорил ваш добрый знакомый Шерлок Холмс? – И Маркиз выжидательно уставился на фотографию, как будто ожидая, что она сейчас заговорит.

– Но, однако... – Томас Альбертович попытался поднять голову и восстать после нанесенного ему неожиданного удара, как птица феникс восстает из пепла. – У меня имеются и другие возможности, и большой опыт проведения таких расследований...

– Кстати, о вашем большом опыте, – нетерпеливо перебил въедливый Леня неугомонного детектива, – вам, кажется, делают рекламу некоторые ваши прежние клиенты...

– Да, – Томас Альбертович заметно порозовел, – многие мои клиенты остаются довольны нашим сотрудничеством и рекомендуют мое агентство своим знакомым...

– Вот-вот! Ведь вам тоже рекомендовала это агентство знакомая? – Маркиз повернулся к Анфисе Саркисовне.

– Да не то чтобы близкая знакомая... мы пользуемся с этой женщиной услугами одного парикмахера...

– Кажется, там было бракоразводное дело. Ведь вы занимаетесь бракоразводными делами? – спросил Леня вконец растерявшегося частного детектива.

– Да, конечно, и не вижу в этом ничего постыдного! Покажите мне детективное агентство, которое отказывается от таких дел!

– Ради Бога, я совершенно не возражаю. А вы не помните, Анфиса, фамилию той женщины?

– Ее зовут Римма Михайловна, а вот фамилия... – Дама мучительно напрягла мозговые извилины и наконец выдала: – Барабанова! Римма Михайловна Барабанова, я точно вспомнила!

– Отлично! – Маркиз снова развернулся к детективу: – У вас действительно был такой клиент? Может быть, Анфиса Саркисовна введена в заблуждение?

Томас Альбертович, задетый за живое таким недоверием, торопливо выдвинул ящик картотеки.

– Как это «в заблуждение»? Почему это введена в заблуждение? Вот, пожалуйста, карточка этого клиента! Вы правы, это действительно было бракоразводное дело, все мероприятия по согласованному с клиентом плану были своевременно выполнены...

Маркиз выхватил из рук детектива картонную карточку и с выражением прочел:

«Клиент – Барабанов Михаил Иванович...»

– Вот видите – Барабанов! – тоном оскорбленной невинности произнес детектив.

– Именно – вижу! – издевательски усмехнулся Маркиз. – Именно – Барабанов! Михаил Иванович Барабанов, а вовсе не Римма Михайловна! То есть нанял вас обманутый муж, а рекомендовала клиентам почему-то его жена! Почему бы это? Казалось бы, вы следили именно за ней, чтобы открыть мужу глаза на ее недостойное поведение, а она осталась так довольна вашей работой, что рекомендует ваше детективное агентство своим знакомым? К чему бы это? Как это можно объяснить?

Томас Альбертович совершенно растерялся. Он переводил затравленный взгляд с одной стены своего кабинета на другую, как будто ждал поддержки от Шерлока Холмса, мисс Марпл или Эркюля Пуаро, но великие детективы упорно хранили молчание.

– А я очень даже легко могу объяснить загадочное поведение вашей благодарной клиентки! – произнес Леня, убедившись, что ни сам гений отечественного частного сыска, ни его выдающиеся зарубежные предшественники ничего не собираются говорить. – Вы следили за любвеобильной мадам Барабановой, но делали это наверняка так грубо и непрофессионально, что дама вас моментально вычислила и предложила взаимовыгодный договор. Вы представили ее мужу липовый отчет, согласно которому Римма Михайловна чиста, как горный ручей, и так целомудренна, что на ее фоне блекнет репутация покойной матери Терезы и святой Клары Кампостельской, а дама за это заплатила вам дополнительный и, кстати, совершенно не облагаемый налогом гонорар и плюс к этому обещала рекомендовать ваше сговорчивое агентство всем своим знакомым...

– Она мне так и не заплатила, стерва парнокопытная! – в запале выкрикнул Томас Альбертович, и тут же захлопнул рот, да поздно – слово не воробей: вылетит – не поймаешь.

– Пойдемте отсюда, дорогая кузина! – Маркиз ловко подхватил вконец растерявшуюся Анфису Саркисовну под руку. – Мне кажется, здесь нам с вами больше нечего делать.

Спускаясь по лестнице Анфиса Саркисовна не издала ни звука. Она была нема как рыба, когда они вышли на улицу и пошли к припаркованной неподалеку Лениной машине. Она продолжала хранить гнетущее молчание, когда Леня открыл перед ней дверцу.

– Безобразие! – ворчал Леня, вставляя ключ в зажигание. – Таких типов на пушечный выстрел нельзя подпускать к работе! И где он только добыл лицензию, хотел бы я знать! Ведь совершеннейший болван, прости Господи! Верно? – Он повернулся к своей соседке.

– Верно, – ответила та деревянным голосом.

– Нет, ну это просто совершенно форменное свинство – брать с клиентов деньги, ничего не собираясь делать! – бушевал Леня. – Натуральное свинство! Надеюсь, теперь вам понятно, что этот, с позволения сказать, детектив, просто-напросто морочил вам голову?

– Да, – сказала Анфиса, по-прежнему не поворачивая головы.

Леня заподозрил неладное, но как всякий настоящий мужчина, он очень не любил выяснять отношения, поэтому он постарался спустить дело на тормозах.

– Куда вас отвезти? Домой?

– Ах, не знаю! – с досадой ответила Анфиса Саркисовна. – Мне уже все равно! После того, что вы сделали...

– Что? – Леня выпустил из рук ключ зажигания, забыв его повернуть. – Что я сделал? Вырвал вас из лап этого бессовестного рыжеусого мошенника? Спас от него ваши деньги? Ах, простите, ведь это были бы как раз мои деньги! Точнее, наши с Лолой!

Маркиз замолчал, так как понял, что попался на самую обычную женскую провокацию.

– При чем тут деньги! – страстно закричала Анфиса, глаза ее горели нехорошим огнем. – При чем тут какие-то деньги! Как вы не понимаете? Этот человек дал мне надежду! Я ожила, я стала действовать, я пыталась хоть что-то делать...

– Вы похитили мою собаку... – вставил Маркиз.

– Ну и что? – агрессивно возразила разгневанная брюнетка. – Ничего страшного с вашей собакой не случилось! А что теперь будет со мной? Вас-то, конечно, это не интересует! А мне остается только наложить на себя руки! Я не могу, понимаете, больше не могу так жить! Эти странные посещения... и Джульетта ничего не чувствует, значит, в доме был свой... Этот Сидоров по крайней мере выслушал меня... А вы размазали его по стене и сидите такой гордый! Кто мне теперь скажет, что случилось с моим мужем? Куда он подевался? Погиб в аварии или остался жив? Вот и расследуйте сами это дело, раз вы такой умный!

– Ну и ну! – только и нашелся Леня, пожалев, что при нем нет Лолы. Уж она-то нашла бы, что ответить неблагодарной вдове!

– И если он жив, то почему, интересно, скрывается от меня, единственного близкого ему человека? – не слушая, продолжала причитать безутешная Анфиса Саркисовна.

«Вот именно – почему?» – ехидно подумал Маркиз.

Ответ лежал на поверхности. Самого Леню, который и знаком-то был с Анфисой всего-навсего несколько часов, уже начал утомлять бурный восточный темперамент волоокой брюнетки. А несчастный человек прожил с такой взрывчатой дамой...

– Простите, сколько лет вы были замужем? – вклинился Леня в гневный монолог.

– Восемь с половиной, – немного подумав, ответила Анфиса.

За это время, пользуясь затишьем, он успел-таки повернуть ключ зажигания и тихонько тронул машину с места, решив доставить темпераментную даму домой и тихонько ретироваться. Леня подумал, что Лола была права, когда с возмущением отказалась идти с ними к детективу, и очень советовала ему, Лене, этого не делать. Ну нашли они Пу И целого и невредимого, проявили снисхождение к женщине, у которой недавно погиб муж, так нечего больше рассусоливать! Высказали бы легкое порицание и убрались восвояси, взяв Пу И под мышку. Женщине, конечно, несладко одной после такого удара, да еще теперь со щенками будут неприятности, но каждому свое!

Маркиз свою партнершу не послушал, ему захотелось вывести на чистую воду мошенника-детектива. Короче, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это уж точно.

Они подъехали к дому Анфисы. Собак у подъезда малость поубавилось, остались самые терпеливые, да еще вольные сыны пустырей и помоек, им некуда было спешить.

Анфиса Саркисовна скорбно оглядела собачью стаю, потом скорбно покивала головой Маркизу и наконец вышла из машины. Однако тут же ей пришлось опереться о капот, потому что подвернулся каблук. Она взглянула вниз и охнула – проклятый каблук наполовину отвалился.

– Боже! – в непритворном горе воскликнула она и разрыдалась.

Долгое и близкое знакомство с Лолой научило Леню, что такие досадные мелочи, как спущенная петля на чулках, наполовину отклеившийся каблук или забрызганный наглым неопытным водителем плащ, способны надолго выбить женщину из привычной колеи. В данном случае его спутница и так уже была достаточно взвинчена. Так что учитывая ее темперамент, спокойно могла прямо здесь, во дворе, устроить истерику.

– Спокойно! – Леня Маркиз не был самим собой, если бы растерялся в таком случае.

Он мигом выскочил из машины, захлопнул дверцу и подхватил твердой рукой падающую брюнетку под локоток.

– Спокойно! На вас смотрят! – громким шепотом проговорил он прямо ей в ухо.

Действительно, досужие старухи и молодые мамы с маленькими детьми, гуляющие во дворе, с большим любопытством взирали на колоритную даму, которую нежно поддерживал симпатичный молодой мужчина.

– Вы же не хотите, чтобы про вас говорили нелестные вещи: мол, не успела мужа похоронить... башмаков еще не износила, в которых шла за гробом... и все такое прочее, – шепотом увещевал Анфису Маркиз.

– Господи, конечно нет! – вскричала она.

– Тогда возьмите себя руки! Идемте наверх, и не прижимайтесь ко мне так сильно! – зашипел потерявший терпение Леня, мимоходом подумав, насколько все же Лола была права.

– Вы что это себе вообразили? – чуть не в полный голос заорала Анфиса. – Никто к вам не прижимается, больно надо!

Однако она тут же вынуждена была крепко ухватиться за Леню, потому что каблук отвалился полностью. Сильно прихрамывая и опираясь на Ленину руку, она кое-как добрела до лифта. В лифте, видно, у нее наконец проснулась совесть, и она тихим голосом и не глядя в глаза попросила ее извинить – нервы, мол, не в порядке.

Маркиз мечтал только об одном – сдать ее с рук на руки пуделице Джульетте и поскорей бежать отсюда к Лоле.

Анфиса Саркисовна открыла многочисленные замки, Леня готовился уже вздохнуть с облегчением и навсегда вычеркнуть темпераментную брюнетку из своей жизни. Они вошли в прихожую и замерли при виде царящего там ужасного беспорядка. На полу валялась стоптанная обувь вперемешку со старыми газетами. Отдельной кучкой лежала одежда. И все покрывал, как первый снег, слой разлетевшихся бумаг – старые фотографии, какие-то документы, справки из ЖЭКа и медицинские карты.

Анфиса тоненько взвизгнула и рухнула в обморок прямо на валявшуюся одежду. Леня так растерялся, что не успел ее вовремя подхватить, но посчитал, что куча послужит неплохим амортизатором. В прихожую выскочила Джульетта и, увидев хозяйку на полу, тут же присела рядом и горестно закулила.

– Ой, девочки, что-то вас сегодня слишком много для меня одного, – вздохнул Леня, примерился, подхватил бесчувственную Анфису под мышки и поволок в гостиную.

Там он свалил ее на диван, отогнал собаку, как всякая женщина бестолково суетившуюся у него под ногами, и побрызгал на бесчувственную вдовицу минеральной водой. Ресницы темпераментной брюнетки чуть заметно затрепетали, а бюст начал вздыматься так сильно, что Леня усомнился насчет пятого размера – на его опытный взгляд там было не меньше шестого. Однако дальше колыханий бюста дело так и не пошло, Анфиса глаз не открыла и ни слова не произнесла. Тогда Леня твердой рукой отвесил ей две полновесные пощечины.

– Вы с ума сошли! – тут же пришла в себя вдовица. – У меня будут синяки!

Не отвечая, Леня быстро влил ей рюмку армянского коньяку из найденной в баре бутылки. Анфиса Саркисовна закашлялась и села на диване. Бюст больше не вздымался, глаза глядели осмысленно.

– Может быть, хватит? – холодно осведомился Леня.

– Что «хватит»? – немедленно огрызнулась безутешная вдова. – По-вашему, я притворяюсь?

Маркиз благоразумно промолчал, с тоской поглядывая на входную дверь. Анфиса Саркисовна скинула тесные уличные туфли, переобулась в удобные домашние тапочки и наконец обрела твердую почву под ногами и некоторую ясность мысли.

– Ну теперь-то вы убедились? – нарушила она явно затянувшееся молчание. – Ведь вы уходили вместе со мной, и в прихожей был полный порядок.

Леня вспомнил свой домашний зверинец и то, какой кавардак святая троица устраивает им с Лолой примерно раз в неделю.

– Хм... А не могла ваша очаровательная собачка все это раскидать? – деликатно осведомился он. – Ну она сейчас в таком положении... сами понимаете, нервничает.

– Уже не нервничает, – горько напомнила хозяйка об утренних подвигах маленького разбойника Пу И, – и к тому же это вещи с антресолей, – она показала распахнутые дверцы. – Как, по-вашему, Джульетта туда могла залезть? Летать она пока не умеет!

Леня хотел возразить, что для его собственных четвероногих и пернатых питомцев нет в квартире никаких преград, но вовремя вспомнил, что Пу И дома действует не один, а в компании кота и попугая, таким образом, возможностей у них побольше.

– Сами дверцы открыться никак не могли? – без надежды на успех спросил Леня.

– На что это вы намекаете? – мигом вскипела Анфиса. – Думаете, у меня в квартире такой беспорядок?

– Ну хорошо, – обреченно вздохнул Леня, – а как же вы сами все это объясняете?

– Говорю же вам – он был здесь!

– Кто?

– Гуля, мой муж! Сначала он забирал свою одежду, потом паспорт, а теперь...

– Да, вот именно, – оживился заскукавший было Леня, – интересно, что ему могло понадобиться на антресолях? Старые газеты? Джульеттин намордник? Бабушкины валенки?

– При чем тут валенки, – обиделась Анфиса, – я положила туда все бумаги из Гулиного письменного стола...

– Зачем вы это сделали? – вырвалось у Лени. Он даже помотал головой, отгоняя видение: мужик мечется по квартире, чертыхаясь и натываясь на мебель и собаку. Времени совсем мало, а эта зараза как всегда засунула куда-то важные бумаги. И ведь тысячу раз же просил не трогать ничего на письменном столе! Так нет же, ей обязательно нужно все перевернуть! И спрятать!

Картина была настолько ясной и зримой, что Леня даже испугался: очевидно, болезнь Анфисы Саркисовны заразна, вот теперь он тоже стал верить, что ее муж не погиб в дорожной аварии, либо же нет ему успокоения на том свете и он приходит на старое место жительства, как Кентервильское привидение.

– Сколько времени прошло с тех пор, как погиб ваш муж? – спросил Леня. – Чуть больше месяца? Зачем же было трогать бумаги, не дожидаясь даже положенных сорока дней?

– Мне было нечем себя занять, – потупилась безутешная вдовица, – я занималась уборкой... Вы мужчина, вам этого не понять... Но теперь вы верите, верите, что я ничего не придумала? Он бывает в этой квартире! Но отчего же тайно, почему он не общается со мной?

У Лени были свои соображения по поводу того, отчего оживший муж не хочет общаться со своей вдовой. Эта особа успела надоесть Лене всего за несколько часов, а уж за восемь-то с половиной лет... Но эти мысли он благоразумно держал при себе. Он бочком прошел к двери, намереваясь тихо исчезнуть из этой мистической квартирки и никогда больше здесь не появляться, как вдруг остановился на полдороге, нагнувшись и подняв с пола старую черно-белую фотографию.

– Кто это? – удивленно обратился он к Анфисе. – Кто на этом снимке?

На фотографии были сняты двое молодых мужчин. Они сидели на берегу довольно живописной речки на деревянных мосточках и босыми ногами болтали в воде.

Анфиса взяла из рук Лени снимок.

– Это Гуля, мой муж, – всхлинула она, – в молодости.

– А кто это с ним? – вкрадчиво спросил Маркиз. – Кто второй человек?

Если бы рядом оказалась Лола, за долгие годы хорошо изучившая своего боевого соратника, она тотчас заподозрила бы что-то серьезное. Маркиз напрягся, как кот Аскольд перед прыжком, глаза его заблестели, и если бы у него были усы, они несомненно распушились бы в охотничьем азарте. Лола поняла бы однозначно: Маркиз почуял дичь.

Но вдовица смотрела на фото, и по щекам ее текли слезы. Кроме своего мужа на снимке она никого и ничего не хотела замечать.

– Гуля... – шептала она.

– Так кто с ним рядом? – напомнил Маркиз.

– Понятия не имею! – ответила Анфиса обычным голосом. – В жизни его не видела!

– Ну-ну, – вздохнул Леня, забирая из ее рук фотографию, – значит, я сейчас пойду, вы тут потихоньку порядок наведите. Только очень прошу вас, ничего не выбрасывайте! Кстати, – он остановился, пораженный тревожной мыслью, – бумаги вашего мужа? Они все сохранились?

– В-все... – пробормотала она, стыдливо отводя глаза, – я их убрала на антресоли...

Маркиз до боли в груди посочувствовал неизвестному Гуле. Ведь наверняка выбросила что-нибудь нужное, бестолковая баба! И как это в ней уживаются страстная любовь к покойному мужу и совершенно патологическое желание избавиться от его вещей? Хоть бы сорок дней подождала, не говоря уж о годе!

– Фотографию я, с вашего разрешения, пока заберу, – сказал он голосом, не терпящим возражений, – потом верну.

– Значит, вы решили мне помочь? – радостно воскликнула Анфиса.

– Пока ничего не обещаю, – поморщился Маркиз, – но подумаю. Но вы ничего не предпринимайте, не вздумайте заниматься самодеятельностью и похищать чужих собак! Вас тут же вычислят и отправят в милицию! Или физиономию разукрасят!

– Хорошо, не буду, – покорно прошептала Анфиса.

– Да, вот еще что, – вспомнил Леня уже у двери, – я хотел спросить, отчего это вы не в трауре?

– Что? – встрепенулась Анфиса.

– Отчего вы не носите траур? Все-таки любимый муж погиб...

– Мне совершенно не идет черное, – с неожиданной откровенностью заявила безутешная вдова, – в черном платье я со своим армянским носом и этой гривой волос выгляжу взъерошенной вороной, которая только что потеряла свой сыр...

Леня представил ее в черном и согласился, что зрелище будет не трагическое, а комическое.

Дома Леня застал Лолу, с сосредоточенным видом роющуюся в платяном шкафу.

– Что это ты делаешь? – миролюбиво спросил он, определив по той части Лолы, которая была видна, что ее хозяйка находится не в самом лучшем настроении.

– Собираю твои вещи, – раздалось из шкафа, – ты ведь переезжаешь к этой похитительнице собак!

– Не валяй дурака, – Маркиз опустился на диван и вытянул гудящие от усталости ноги, – хватит с меня на сегодня этих дамских штучек! Ох и утомительный же вы народ!

– Не смей сравнивать меня с этой... с этой... с этим ходячим армянским радио! – закричала Лола, полностью появляясь из платяного шкафа. – Удивляюсь я тебе! Да не просто удивляюсь, а даже не могу никак назвать твое поведение! Эта ненормальная среди бела дня похитила твою собаку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.